

17 СЕН 1985

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ПАНОРАМА

Сергей Образцов

ВТОРАЯ ПРЕМИЯ

Московская квартира Сергея Владимировича Образцова наполнена книгами, диковинными сувенирами, полотнами художников. Но сравнивать ее с музеем, несмотря на обилие уникальных вещей, было бы неверным. Нет, здесь каждый предмет — не музейный экспонат, а живая память о пережитых событиях, встречах, находках. И публикуемый сегодня отрывок из новой книги С. Образцова, которая готовится издательством «Советский писатель», — живое свидетельство этому.

Передавая для публикации рукопись, С. Образцов сказал нашему корреспонденту:

— С моими очерками-воспоминаниями, которые я объединил названием «По ступенькам памяти», знакомы читатели «Нового мира». Но сейчас, готовя книгу, я написал новые очерки, которые нигде не публиковались. Предлагаю вниманию читателей «Советской культуры» одну из таких пятнадцати «ступенек».

В столовой в узком простенке, прямо над шкафчиком, на котором стоят две фарфоровые фигурки, маленькая и побольше, висит картинка тоже совсем маленькая.

Обе чуть подкрашенные фигурки изображают молодого человека, поднявшего вверх руки с двумя куклами. Тот фарфоровый человек, что побольше, держит Кармен в красной юбке и Тореодора в красном плаще, а тот, что поменьше — двух кошек. Черную и рыжую.

Это меня Слоним лепил, а отливали фигурки на разных заводах. Та, что с кошками, — на Ленинградском фарфоровом, а та, что с Кармен, — на Гусь-Хрустальном. (Такая же в Третьяковке выставлена, чем я, естественно, очень горжусь).

Так вот, чтобы снять с гвоздя картинку, что висит над шкафчиком, надо на стул вставать, иначе можно сеалить слонимские фигурки, а подставлять стул лень. В конце концов если осторожно, то можно дотянуться и потихоньку эту злосчастную картинку стащить.

Я это часто делаю. Во-первых, знакомым показываю. (Тоже с гордостью, потому что картинка прямо-таки уникальная, и рассматривать ее надо близко и внимательно).

А во-вторых, еще и потому, что и без всяких знакомых я ее люблю рассматривать. Ассоциаций она в моей памяти вызывает целую кучу. Годы и люди сквозь нее далеко просматриваются. В том числе и те годы, в которые я жил, и те люди, с которыми я так или иначе сталкивался.

Удивительная картинка! Я ее, как книгу, читаю и поэтому часто с гвоздя снимаю. Вот и сегодня дотянулся до рамы и снял.

Маленький, совсем маленький этюд маслом. Явно с натуры и явно наскоро, в один присест. Изображено «Старое гулянье» в Сокольниках.

Сегодняшние москвичи его не знают. Это сравнительно небольшое место в Сокольниковском парке, на самом его краю где-то, если я не ошибаюсь, между третьим и первым Лучевым просеком. Прямо туда Митьковская улица выходит, на которой мы жили.

Помню, если чуть подальше «Старого гулянья» пройти, на суку большой сосны железный кровельный лист висел. Это его ураган девятьсот четвертого года с какой-то крыши содрал. Мне тогда всего три года было. И мы с мамой под здоровенный дождь в лесу попали. На Клязьме жили. Там ураганом железнодорожный семафор штопором скрутило, и поезд с папой остановился. Оpozдал папа к чаю.

А само «Старое гулянье» я хорошо помню. Там, среди сосен, деревянные столы стояли с лавками. По воскресеньям гуляющие в Сокольниковском парке за этими столами из больших самоваров чай пили. А развлекали их шарманщики с попугаями или белыми крысами, вытаскивающими скрученные бумажки «счастья». Возьмешь за копейку, раскрутишь бумажку, прочтешь, и житейстановится веселее — раз тебе такое счастье предсказано.

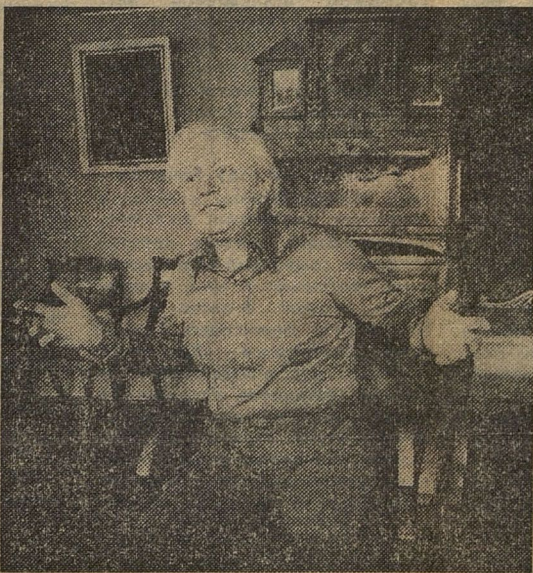
А то еще с обезьянками шарманщики ходили. Несчастными кувыркающимися «Марьями Ивановнами». Вертинский про них очень точно пел: «Плачет мокрое утро. Мочит дождь обезьянку. Пожилую актрису с утомленным ли-

цом». Очень точно сказано: «Пожилую актрису с утомленным лицом». Я до сих пор этих несчастных обезьянок забыть не могу. Талантливым, очень талантливым поэтом был Вертинский.

Ну и петрушечники вместе с шарманщиками приходили на «Старое гулянье» развлекать чаевников.

Вот из-за Петрушки-то я и купил эту маленькую картинку в каком-то полуподвальном комиссионном магазине на Сретенке.

Ну как не купить, если на картинке изображен Петрушка, высунувшийся из-за ширмы. Такой же ширмы, как моя. Точно такой. Толь-



ко я-то с этой ширмой по разным шикарным клубам выступаю, да и за границу езжу, а предшественник мой, такой же москвич, как и я, дальше «Старого гулянья» да подмосковных ярмарок — никуда. Даже во двор и то рискованно войти. Выгонит дворник или городской.

Хоть и наскоро написана картинка, а замечательно! Деревья, шарманка, ширма с Петрушкой, веселый купец за столом, огромный медный самовар, девочка какая-то. И по колориту все собрано, и владение кистью удивительное. Несколько маленьких мазков, а характер купеческого лица передан с портретной точностью.

Пришел домой. Развернул бумагу, достал картинку и вдруг вижу, во-первых, в правом углу тоненькая подпись «К. Коровин», а во-вторых, очень неуважительно, явно прямо по сырой краске то ли гвоздем, то ли обратной стороной кисти крупно выдавлено «2 премия 10 р.».

Здравствуй, так про это же мне Архипов рассказывал, что, когда здесь же в этом здании он учился вместе с Левитаном и Серовым по классу пейзажа у Саврасова, им давали задания во время каникул писать на природе этюды. (Барбизонцы тогда в моду входили). И осенью все эти ученические летние работы просматривались, и за лучшие давались денежные премии.

Абрам Ефимович, смеясь, говорил, что многие, и он в том числе, летом писать ленились и уж перед самым концом отпуска писали что придется на память, а потом ловили комаров и на непросохшую краску приклеивали. И хвойные иголки и вообще, что попало, чтобы казалось, будто все это «на пленэре» ветром надуло.

Только никаких следов «пленэрного мусора» на этюде Коровина не было, и зря ему только вторую премию дали. Замечательно написан этюд. С настоящим мастерством художника.

Но, когда же это он его написал? Премия дана не художнику, а ученику. Поступил Константин Коровин в школу живописи в восемь лет шестидесяти первом году, когда ему было

четырнадцать лет. Значит, писал он «Старое гулянье» лет шестнадцати.

Подождите. Так, может быть, и левитановский «Кленовый просек в Сокольниках», по которому я на велосипеде катался, тогда же написан? Лезу в шкаф, достаю кнебелевское издание Левитана, на титульном листе которого написано: «Скована жизнь, и свободно искусство» и смотрю даты написания картин. Так и есть. «Осенний день в Сокольниках». Ученическая выставка восьмисот семьдесят девятого года. Значит, Левитану тогда было восемнадцать лет. Родился-то он в том же году, что и Коровин.

Жил тогда Левитан очень плохо. Голодал и спал на чердаке.

...Вот смотрю я сейчас на маленький этюд молодого Коровина, и плывут передо мной какие-то удивительные ассоциации, цепляясь одна за другую, перемешивая годы, людей, события.

Ну, подумать только, висит в Третьяковке серовский «Омут». Писал он его в имении Панофиных. А то ли дети, то ли внуки этих Панофиных учились со мной в реальном училище Воскресенского в параллельном классе. Я в «Б», они в «А». «А» считался более привилегированным. Очень были толстые мальчишки. И богатые. У Панофиных издательство было, и жили они в богатом особняке. Один раз мы у них что-то репетировали для школьного вечера. Я в первый раз в таком богатом доме был.

Серов учился у того же Саврасова вместе с Архиповым, Коровиным и Левитаном. В Третьяковке висит серовская картина. Два его маленьких сына стоят на каком-то мостике. А моя двоюродная тетя (бабы-капина дочь, тетя Вера) давала этим мальчикам уроки на дому. Говорила: «Очень хорошие были мальчики».

Архипов, Серов и Коровин очень дружили с Шаляпиным, и Коровин написал замечательный его портрет, очень светлый и радостный, а сын Шаляпина Борис учился живописи у Архипова. Наши мольберты стояли рядом. Может быть, в той же самой мастерской, где и Коровин, и Архипов, и Серов натурщиц да натурщиков писали.

Борис устроил чуть не всю мастерскую смотреть и слушать своего отца в «Фаусте». Пел Шаляпин в летнем театре сада Эрмитаж.

В антракте вышел к нам высокий, загримированный Мефистофель. Борис сказал: «Папа, это мои товарищи-художники». Шаляпин потрепал кого-то из нас по плечу, сказал басом: «Ми-и-лье худо-о-ожники», улыбнулся «дьявольской» улыбкой и ушел в деревянную дверь театра.

В этом самом театре я через много лет выступал и нажил узел на голосовых связках.

А с Борисом мы потом встречались в Нью-Йорке. Он мне подарил двух маленьких крокодильчиков. Сантиметров, наверное, по десять. Жена их за паузой привезла, чтобы не замерзли, да и чтобы таможня не отобрала.

Тотоша и Кокоша выросли. И когда стали сантиметров по пятьдесят — шестидесяти, мы их подарили Дворцу пионеров.

Видите, как все перепуталось в моей голове. И понял я, что так называемые «поколения» идут совсем не волнами, сменяя одно другое. Нет, они текут, проникая друг в друга. И люди совсем разного возраста долго ощущают себя одним поколением.

Двадцати- и сорокалетние часто совсем не думают, что они разных поколений, потому что их мысли, их идеи, их увлечения, их работа совпадают. Да и любви, и браки между ними бывают.

Но, когда постепенно не только старшие, но и сверстники куда-то исчезают, человек начинает ощущать, что вот еще год, еще два, ну может, пять, ну десять лет — и ты останешься совсем один. И не будет рядом с тобой людей твоего поколения...

«2 премия 10 р.» Маленький этюд маслом, а сколько подымает он в моей памяти.

Надо вешать обратно на гвоздь. Только не разбить бы по дороге себя самого в фарфоровом виде.

Фото В. Генде-Роте.